

УДК 809 (07)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ ДВОЙНИКА (на примере произведений О. Уайльда)

© 2010 г.

Н.Б. Титова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

dialunn@list.ru

Поступила в редакцию 15.04.2010

Структурная особенность категории двойника связывается с принципом зеркальности. С этой точки зрения исследуются произведения О. Уайльда.

Ключевые слова: двойник, отстранение, бинарность, прототип, пространство, сущность.

Природа двойника представляет собой весьма обширную проблему в истории мировой культуры. Если мы обратимся к ней, то увидим, что традиционно к данной проблеме имеется несколько подходов и точек зрения [2], с которых она могла бы быть решена: понятию двойника может быть придана и филологическая трактовка, и психологическая, и философская. Нас же среди всего этого разнообразия интересует, прежде всего, возможность исследовать онтологичность явления двойника и выявить такие черты, которые сохраняются им независимо от приверженности исследователя к той или иной точке зрения. Однако это было бы невозможно сделать, не прибегнув к конкретике воплощенных образов, поэтому рассмотрим особенности двойничества на примере творчества О. Уайльда. Примем за рабочую гипотезу, что двойник есть некое материальное тело, выстраивающее себя подобием какого-либо прототипа. Это предельно общая дефиниция, не противоречащая ни филологическим, ни психологическим, ни иным аспектам в изучении категории двойника.

Двойник у Уайльда неустраним из самой системы художественных образов произведений: идея двойника, имманентная феномену портрета, даже заглавием выносится на первое место в «Портрете Дориана Грея» [1] и, будучи alter ego главного героя, обретает онтологическую прочность своего существования, меняя свою исходную зависимость от прототипа на абсолютное полномочие над его судьбой. Кстати, нечто подобное наблюдается и у Стивенсона в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда», когда подлинность бытия прототипа находится в зависимости от утверждения в бытии его двойника.

Изначально (и, пожалуй, наиболее очевидно) образ двойника соотносится Уайльдом с мифом о Нарциссе. Обращение автора к этому мифу вполне сознательно (этим и объясняется его очевидность): оно связано с эстетической концепцией в философской системе Уайльда, и именно мифологема Нарцисса ложится в основу дальнейших трансформаций и переосмыслений мотива двойника. Наиболее явно проявление греческого мифа мы наблюдаем в единственном романе Уайльда «Портрет Дориана Грея», в его ранней новелле «Портрет г-на У. Х.», в одном из стихотворений в прозе «Поклонник» [1]. Однако даже в тех произведениях, где автор, на первый взгляд, ничего не говорит нам о Нарциссе, некие отзвуки излюбленного мифа Уайльда все так же ощутимы. Образ двойника, чье скрытое присутствие уже не так легко заметить, абстрагированный от Нарцисса, все равно приводит нас к нему: пьеса «Саломея», сказка «Рыбак и его душа», когда два героя произведения, находящиеся вне рамок двойнических отношений (Иоканаан и Саломея), все же в финале необходимо оказываются вписанными внутрь этих рамок.

Образ двойника в произведениях Уайльда отличается своеобразностью трактовки, позволяющий говорить о некоторой обособленности от традиционного восприятия данной категории. Условием существования в любом произведении феномена двойника является особая организация художественного пространства: двойник – априори «схожее» – тем не менее находится в системе отношений «бинарный архетип» (термин М.С. Уварова) [3: 15–16], в состоянии противоположности со своим прототипом. Двойник должен обладать такой степенью идентичности, точности повторения, позволяющей говорить о принципе зеркальности, что

в определенный момент двойник становится антагонистом, *со*-поставление перерастает в *противо*-поставление. Однако при этом сам двойник обычно ставится в некое зависимое от своего прототипа положение, приоритет которого безусловен. Именно эта зависимость поглощает противостояние между прототипом и его двойником, отношения, таким образом, сглаживаются. Мы почти всегда с максимальной степенью уверенности можем сказать про каких-либо персонажей, вступивших в отношения двойничества: это двойник, а это его прототип. У Уайльда, напротив, всячески подчеркивается именно равноправие двойника со своим субъектом, прототипом: отражение суверенно по отношению к своему оригиналу, вследствие чего обостряется существующее противостояние, борьба. Если еще в «Портрете Дориана Грея» довольно сильна именно тенденция зависимости, то в «Саломее» в двойнической паре Саломея – Иоканаан любые приоритеты полностью нивелируются, доводя ситуацию борьбы между героями до предела.

Следует обратить внимание и на характер отношений в двойнических парах. В интерпретации Уайльда двойник – это темное, роковое начало. Несмотря на исходное независимое положение, основной принцип его сущности – практически осознанная незавершенность: независимость как равноправие (по отношению к оригиналу) и незавершенность как внутренняя основа, как неизбежная природа двойника (парадокс вполне в духе Уайльда). Независимость обуславливает ситуацию борьбы, незавершенность – стремление поглотить оригинал, как бы слиться с ним. Если выразиться точнее, желание слиться со своим оригиналом, проистекающее от некоей брешы – пустоты, скрывающейся в самом эпицентре двойнической сущности (как раз там, где должна была бы находиться фигура оригинала, по своему образу и подобию формирующая эту самую сущность), зачастую выливается в ситуацию поглощения: этот трагический исход преследует уайльдовских героев, вступивших в двойнические отношения. И им не остается ничего другого, так как обостренность противостояния не отменяется непреодолимым влечением друг к другу. Что интересно: если незавершенность двойника в данной ситуации очевидна и не требует специальных пояснений, то гораздо сложнее объяснить, в свою очередь, явное присутствие совершенно симметричной незавершенности в характере оригинала. Можно, конечно, вспомнить слова Ницше о том, что человек – это всего лишь «недоделанное животное». Однако в нашем случае эта

незавершенность особого рода и напрямую зависит от данности двойника, от его сущности. Наверное, объяснение следует искать, обратившись к феномену отстранения.

Оговоримся, что термин «отстранение» понимается в данном контексте в предельно общем (гносеологическом) смысле, как стремление субъекта – в его сущностной связанности с объектом – выйти за собственные пределы. Кроме того, отстранение в контексте двойнических отношений восходит к процессу, названному у Гегеля «овнешнением»; и с этой точки зрения «отстранение» будет подобно и «отстранению» Шкловского, однако с той разницей, что у Шкловского оно заполнено более специфичным и конкретным содержанием.

Вообще сама идея отстранения очень органично поддерживает сущность отношений двойничества и способна найти объяснение многим парадоксам самого возникновения и существования этих странных отношений. Традиционно отстранение относят, скорее, к целям, нежели к средствам существования двойника. Однако если мы последовательно обратимся и к той, и к другой точкам зрения на роль отстранения в двойничестве, то мы получим, как ни странно, два абсолютно разных принципа функционирования (не исключаящих, впрочем, друг друга) и две разных позиции самого отстранения в структуре двойничества. Отстранение, рассмотренное как цель относительно категории двойника, проявляет некий прагматизм, сознательную, то есть вполне зависимую от сознания человека, сторону данной категории. Отстранение здесь не что иное, как скульптурная работа с собственной сущностью и с сущностью другого, которые мы, насколько это доступно нашей воле, нечувствительно изменяем. Речь идет о вступлении двух субъектов в такие отношения, которые могли бы быть названы двойничеством, причем одному из них достается роль прототипа, а другому – двойника. Активная роль здесь, кстати, не обязательно целиком принадлежит только двойнику. Хотя легче всего представить, как именно тот субъект, который отчуждает и проецирует на себя какие-либо качества или состояния, или положения сознательно выбранного им прототипа, формирует самое себя в роли двойника. Вступление в игру прототипа как активного начала, переакцентировка сил в двойнической паре гораздо тоньше, но также имеет в своей основе сознательную установку. В этом случае прототип становится ведущим. Сознательное стремление сформировать заданного субъекта по своему образу и подобию превращает исходного

прототипа в то, что мы назовем здесь «миметической куклой». Этот термин принадлежит М. Ямпольскому, но с несколько другим значением. Ямпольский под миметической куклой имеет в виду субъекта, безусловно влияющего в двойнической паре на своего партнера, но прежде, чтобы добиться этой власти, необходимо вставшего в зависимость от него, т.е. уже ставшего двойником и, далее, меняющего приоритеты между двойником и прототипом: двойник трансформирует не только себя в своем следовании за прототипом, но этим следованием меняет самого прототипа. Если же определить сам прототип через понятие «миметической куклы», то мы получим нечто похожее на лорда Генри из «Портрета Дориана Грея» Уайльда. Субъект проецирует самого себя или какие-то отдельные свои качества на другого субъекта, которого он предварительно ставит в зависимое от себя положение. Почему же в описании данной ситуации возникает понятие «куклы», которое как будто указывает нам на нечто неодушевленное, даже механистическое там, где по логике должна быть крайняя степень динамики жизненности, так как речь, в общем-то, идет о своеобразной воле к власти? Дело в том, что, чтобы достигнуть поставленной цели, исходный прототип не только должен пройти стадию отчуждения от самого себя, но создать репрезентативный слепок с самого себя, который и будет восприниматься потенциальным двойником. Именно отсюда в уайльдовском тексте и возникает ощущение, что на лорде Генри надета маска.

Также существует и другой вариант роли отстранения в структуре двойничества: отстранение как средство (а точнее, даже некая основа) для функционирования категории двойника. Здесь очень важно подчеркнуть, что в этом случае нельзя говорить о ведущей роли сознания в процессе формирования двойнических отноше-

ний между двумя субъектами. Отстранение есть лишь некий вспомогательный процесс, априорно проявляющийся в пределах пары «оригинал – копия», ибо в стремлении двойника к своему прототипу (и, соответственно, прототипа к двойнику) имманентно возникает феномен сближения тела прототипа и тела двойника отстраненностью взгляда субъекта, активного в этой паре (мы не говорим в этом случае про активность только двойника или только прототипа, так как мы настаиваем, что активность в двойнической паре не закреплена за каким-то одним субъектом априорно). Именно отстраненность взгляда, находящегося как бы извне и по отношению к оригиналу, и по отношению к его копии, осуществляет формирование феномена двойнического сходства. «Копиист, демон (в данном случае мы трактуем термин М. Ямпольского «демон» как концентрацию активного, преобразующего начала в двойнической паре, независимо от того, является ли ее носителем оригинал или двойник – Н.Т.) предлагают игру в диссоциацию точки зрения. Они воплощают вынос зрения вне собственного тела» [4].

Итак, процесс отстранения, как мы видим, формирует саму двойническую пару, являясь причиной и условием феномена похожести и двойнической симметрии. Другими словами, процесс отстранения – это путь от прототипа к двойнику и наоборот.

Список литературы

1. Уайльд О. Собрание сочинений. М., 2003.
2. Соколянский М. Оскар Уайльд. Киев – Одесса, 1990.
3. Уваров М. Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры. СПб., 1996.
4. Ямпольский М. Демон и лабиринт. <http://lib.ru/CULTURE/YAMPOLSKII/demon.txt>

STRUCTURAL FEATURES OF THE CATEGORY OF DOUBLES (based on the works of O. Wilde)

N.B. Titova

Structural features of the category of doubles is associated with the principle of mirror reflection. The author examines the works of Oscar Wilde from this perspective.

Keywords: double, estrangement, binarity, prototype, space, identity.